

ИНСТИТУТ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ в 1925 — первой половине 1926 г.: открывающиеся перспективы

Александр Груша,
директор Центральной научной
библиотеки НАН Беларуси
им. Я. Коласа,
доктор исторических наук, доцент

Институт белорусской культуры (Инбелкульт) в 1922–1924 г. представлял собой главным образом лабораторию по созданию белорусского литературного языка. Он всеми силами пытался соответствовать высокому статусу высшего учреждения национальной науки, но фактически таковым не являлся [1]. Указанный статус Институт обрел лишь в 1925 г. в результате сильного рывка, определенной перезагрузки, сделавшей Инбелкульт серьезным комплексным научно-исследовательским учреждением. Потом последовало еще два рывка. В результате последнего Институт превратился в Белорусскую академию наук. Скачкообразное,

а не постепенное и поступательное движение вперед – одна из особенностей роста и развития Инбелкульта, которая заслуживает особого внимания.

Этот сильный рывок стал возможен в результате реорганизации Института в 1925 г., ставшей главным событием его третьего периода деятельности – начала 1925 г. – середины 1926 г. (о периодизации деятельности Инбелкульта см.: 1, с. 16).

Реконструируем ход данного процесса и покажем его результаты. Ответим также на вопросы: какие способности Института продемонстрировала эта реорганизация, какой фронт работы она открыла перед данным учреждением?

ХОД РЕОРГАНИЗАЦИИ

Реорганизация 1925 г. осталась в памяти ее свидетелей и участников, а также вошла в историю как «реформа» [16, л. 37], «перестройка и расширение работы» [16, л. 196], «реорганизация на новых, более широких основаниях» [17, с. 76], а также как «реорганизация в конце 1924 г.» [4, с. 7], «реорганизация начала 1925 г.» [16, л. 30], «основательная реорганизация в январе 1925 г.» [3, с. 109], хотя на самом деле процесс переустройства Института припал на оба этих года и затянулся в 1925 г. на более длительный срок. Можно выделить следующие этапы этого переустройства: подготовительный и организационный. На первом этапе были разработаны, согласованы с ЦК КП(б)Б и утверждены структура и штат Института, некоторые другие вопросы преобразования учреждения. На втором – главные планы реорганизации были воплощены в жизнь.

Первый этап начался осенью 1924 г. с разработки проекта структуры и штата Инбелкульта, которые согласовывались комиссией ЦК КП(б)Б по реорганизации Института 7 и 12 декабря 1924 г. Между прочим, она не нашла целесообразным создание при Инбелкульте отдельной Археографической комиссии (возложив ее обязанности на Историко-археологическую) и приняла решение о ликвидации Геолого-почвоведческой комиссии (перенеся ее задачи на Комиссию по изучению природы Беларуси и ее производственных сил) [10, л. 64; 5, с. 60]. Интересно, что Геолого-почвоведческая комиссия окончательно «злажылася» незадолго до указанного заседания, как надо полагать – 2 декабря 1924 г. [9, л. 25] (сохранился «наказ» этой комиссии: 9, л. 64). Членам партийной комиссии было поручено к следующему заседанию наметить персональный состав Инбелкульта [10, л. 65; опубл.: 3, с. 81–82]; и если судить по некоторым источникам, эта работа

началась безотлагательно [3, с. 85]. В том же месяце секретариат ЦК КП(б)Б утвердил состав Президиума Инбелкульта [3, с. 83].

16 января 1925 г. был утвержден Проект структуры Института. Согласно этому документу, в его состав должны были войти 14 постоянных комиссий, 12 секций (с учетом объединений, существующих на правах секций) и два национальных отдела: Еврейский и Польский (оба с тремя постоянными комиссиями и двумя секциями). Планировалась организация следующих комиссий: Диалектологической; по составлению словаря живого белорусского языка (Словарная); Правописно-терминологической; Литературной; Историко-археологической; по изучению революционного движения Беларуси; по охране памятников древности, искусства и природы; по изучению природы Беларуси и ее производственных сил; по изучению народного хозяйства Беларуси; по изданию произведений Ленина и марксистских произведений; по изучению советского строительства; Этнографической; Библиографической; Центрального бюро краеведения (ЦБК). Был расчет на создание секций: Языковедческой, Литературной, Искусствоведческой, Историко-археологической, Природоведческой, Экономической, Педагогической, Агрономической, Медицинской и Этнографической. На правах секций предполагалось образование литературной группы «Маладняк» и ассоциации «Научная организация труда» («НОТ») [10, л. 73–76; 5, с. 60–61].

Начало второго этапа реорганизации Инбелкульта можно датировать 31 января 1925 г., когда состоялось первое заседание его Общего собрания. Все важнейшие решения, связанные с этим этапом, были санкционированы на данном и трех последующих заседаниях Собрания, прошедших в феврале – марте 1925 г.

На первом заседании присутствовало 42 представителя. Оно избрало и утвердило Президиум Института в следующем составе: В.М. Игнатовский – Председатель Инбелкульта и его Президиума; А.А. Смолч – заместитель Председателя; З.Ф. Жилунович, Б.М. Оршанский (представитель от Еврейского отдела), С.Л. Гельтман (представитель от Польского отдела) – члены Президиума; Я.Л. Дыло – научный секретарь.

Одной из первейших задач заседания было избрание членов-сотрудников. В.М. Игнатовский предложил ввести в состав членов-сотрудников 20 деятелей науки и культуры, среди которых были Н.Я. Байков, И.А. Кисляков, П.П. Роговой, И.А. Сербов, Н.Н. Щекотихин. Они были избраны большин-

ством голосов [5, с. 61]. Собрание поручило Президиуму «перепрацаваць» и «паразумецца» с народным комиссариатом просвещения БССР по вопросам организации секций и постоянных комиссий, а также определить персональный состав их президиумов, число членов Инбелкульта и личный состав указанных структурных единиц [14, л. 1–1 об.; опубл.: 3, с. 87–88]. К 4 февраля был предложен состав данных президиумов. С кандидатами должен был провести переговоры А.А. Смолч [11, л. 1–2].

Второе заседание Общего собрания состоялось 8 февраля. На нем были избраны временные президиумы Литературной, Историко-археологической, Природоведческой, Педагогической, Сельскохозяйственной (так стала называться Агрономическая секция) и Медицинской секций, утвержден временный президиум ассоциации «НОТ». Согласно установленному порядку, временные президиумы на своих заседаниях должны были определить персональный состав секций, решить вопросы об их программах деятельности и структуре, назначить день первых общих организационных собраний. Эти собрания утверждали указанные программы, планы работы и структуру секций и определяли день их будущих заседаний, решали иные принципиальные вопросы, касающиеся текущей работы, структуры и будущей деятельности секций. На заседании 8 февраля были произведены назначения на штатные (оплачиваемые) и нештатные (неоплачиваемые) должности следующих комиссий: Словарной, Правописно-терминологической, Историко-археологической, по охране памятников, по изучению природы Беларуси, по изучению советского строительства [14, л. 4–4 об.]. В феврале прошли первые общие организационные собрания секций: Медицинской – 13 февраля [11, л. 21–21 об.; копия: 13, л. 14–14 об.], Литературной – 19-го [11, л. 17–17 об.], Сельскохозяйственной – 20-го [11, л. 23–23 об.; 13, л. 1].

Третье заседание Общего собрания последовало 21 февраля. Оно избрало еще 13 членов-сотрудников и 2 членов-корреспондентов, утвердило временные президиумы «Маладняка» и Экономической секции, произвело избрание редакционной коллегии Института, а также состава следующих комиссий: по изучению революционного движения на Беларуси, по изданию произведений Ленина и марксистских произведений, по изучению советского строительства, по изучению народного хозяйства Беларуси, по изучению природы Беларуси и ЦБК [3, с. 91–93].

Первые общие организационные собрания имели место: Историко-археологической секции – 24 февраля [11, л. 58–58 об.], Комиссии по составлению словаря живого белорусского языка – 26 февраля [16, л. 30], ЦБК [11, л. 27] и Искусствоведческой секции [11, л. 34] – 27 февраля, Природоведческой секции – 7 марта [11, л. 64–64 об.], Комиссии по изучению революционного движения на Беларуси – 27 марта [11, л. 87]. С целью фактического придания Инбелкульту статуса объединяющего научного и культурного центра его Президиум и президиумы секций прилагали усилия к «пасіленню», то есть расширению состава секций. В феврале и марте 1925 г. Президиум одобрил пополнение Природоведческой секции на 45 человек [11, л. 25 об.], затем – еще на 5 [11, л. 40, 63]; Сельскохозяйственной секции – на 31 [11, л. 5, 6], затем еще на 10 [11, л. 10, 13], а в дальнейшем – еще на 20 человек [11, л. 25 об., 31]; Литературной секции – на 22 человека [11, л. 10], Искусствоведческой – на 28 [11, л. 5]; Медицинской – на 15 [11, л. 5]; Языковедческой – на 12 человек [11, л. 40].

Четвертое заседание Общего собрания прошло 30 марта. Из доклада, который сделал заместитель Председателя А.А. Смолич, следовало, что работа по организации секций и комиссий все еще продолжалась. К этому времени Институт включал 97 членов; всего же к его работе (в секциях и комиссиях) было привлечено около 300 человек (возможно, речь идет о 200 сотрудниках). Стали действовать Природоведческая, Сельскохозяйственная, Искусствоведческая, Историко-археологическая, Медицинская и Литературная секции, объединение «Маладняк»; комиссии: по охране памятников, Словарная, по изучению революционного движения, Правописно-терминологическая, по изучению природы Беларуси и Военно-терминологическая.

На данном заседании были избраны 31 член-сотрудник и 27 членов-корреспондентов, утверждены президиумы Языковедческой и Этнографической секций, Литературной и Библиографической комиссий. Как следует из протокола указанного собрания, к тому времени уже действовал Еврейский отдел, сложившиеся секции которого «за мінулы кароткі час зрабілі досыць шмат» [3, с. 96–101].

К концу марта 1925 г. работа по переустройству Инбелкульту была в целом завершена. Решительность и стремительность в развертывании новых структур, практически сразу приступавших к работе, явно задавались авторитетом, административным опытом и влиянием нового руко-

водителя Инбелкульту – В.М. Игнатовского, сохранявшего за собой должность наркома просвещения БССР, и активностью его ближайших помощников – А.А. Смолича и Я.Л. Дыло.

Создание указанных структур ложилось на прочный фундамент, основанный на этот раз не только на внутренних, но также и на финансовых мотивациях. На 1924/1925 академический год Институт получил финансирование в размере 77906 руб., которое почти в 11 раз превзошло то, которым Инбелкульт пользовался в предыдущем академическом году. Ожидания роста отчислений в пользу учреждения оправдывались. В 1925/1926 академическом году они возросли до 205 272 руб. [17, с. 25]. Этот фундамент скреплялся привлекательностью масштабных и глобальных задач и амбициозных планов, погружением в науку, расширявшимся горизонтом ожиданий и открывавшимися перспективами.

ДИАПАЗОН И СПЕЦИФИКА ЗАДАЧ И НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вынашивая планы реформы Инбелкульту, руководство БССР видело в будущем Институте постоянно действующее научное учреждение «по типу Академии наук» [1, с. 22]. Состоявшаяся реорганизация дает нам представление о том, что понималось под учреждением данного типа.

Инбелкульт, продолжив работу в области языкознания, истории и археологии, этнографии, фольклористики, сельского хозяйства, медицины, почвоведения и геоботаники, расширил диапазон своих задач и направлений деятельности и приступил к целенаправленной, систематической и активной разработке вопросов по искусствоведению, научно-критическому изданию исторических источников и литературных произведений белорусских писателей, геологии, зоологии, геофизике, метеорологии, фенологии, антропологии и др. При этом он стремился занять позиции объединяющего и руководящего центра во всех этих областях.

Оценить широту охвата и специфику поставленных вопросов и направлений работы Инбелкульту дают возможность сохранившиеся программы деятельности и планы работы, некоторые итоги активности его структурных подразделений – секций, подсекций и комиссий.

Приведем лишь несколько примеров.

Проект программы деятельности Сельскохозяйственной секции включал 10 пунктов:

- разработка научной белорусской сельскохозяйственной терминологии;

- издание сельскохозяйственной литературы на белорусском языке;
- изучение истории развития сельского хозяйства и сельскохозяйственных промыслов в Беларуси;
- изучение сельскохозяйственного быта деревни;
- изучение земельного права и земельных отношений в Беларуси в дореволюционное и в настоящее время;
- изучение экономики белорусского сельского хозяйства;
- изучение вопросов кооперации в области сельского хозяйства и сельскохозяйственных промыслов в Беларуси;
- изучение исследований по сельскому хозяйству Беларуси;
- разработка наиболее насущных вопросов техники белорусского сельского хозяйства по существующим исследованиям, «на аснове сабранага дасьледчымі ўстановамі матар'ялу і пры помачы спецыяльных досьледаў сэкцыі»; 10) агропропаганда [11, л. 14–15 об.; черновик программы: 13, л. 58–61].

Не менее широко были представлены планы гуманитарных подсекций. Подсекция изобразительных искусств ставила задачи:

- изучение древнего и современного белорусского искусства; экспедиционная научно-исследовательская работа;
- сбор материалов в виде фотоснимков, рисунков, зарисовок и т.д.; научная разработка собраний, которые находятся в Белорусском государственном музее и его отделениях в Витебске

Рис. 1. Участники Первой всебелорусской краеведческой конференции. Фото 1924 г. (Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. Ф. Зд. Н.В. Токарев)

Рис. 2. Сотрудники Инбелкульта. Сидят, первый ряд: Н.В. Азбукин, В.В. Чержинский; 2-й ряд: Ч.И. Родзевич, В.Ф. Михальский, С.М. Некрашевич, И.Д. Луцевич (Янка Купала), К.М. Мицкевич (Якуб Колас). Стоят (3-й ряд): А.П. Круталевич, Н.М. Гутковский, М.А. Громыка. Фото 1925 г. (Центральный научный архив НАН Беларуси. Ф. Зд. Н.В. Токарев)

и Могилеве с целью создания в Минске единого научного музея белорусского искусства;

- объединение белорусских художественных сил и создание национального стиля;
- введение в белорусские народные промыслы художественных и национально-художественных элементов;
- создание специальной кустарно-художественной мастерской; помощь Художественному техникуму в Витебске.

Подсекция физики, математики и метеорологии видела своей основной задачей организацию Белорусской геофизической обсерватории, в которой сосредоточились бы все исследования, связанные с физикой литосферы, атмосферы и недр республики [12, л. 22].

Инбелкульт в целом готов был взять на себя ответственность за объединение всей геофизической деятельности и создание Центральной геофизической службы Беларуси [11, л. 239, 241, 242, 263]. А в 1925 г. в одной из областей сельского хозяйства на правах комиссии создано Научное бюро по сельскохозяйственному опытному делу. Оно было основано с целью объединения деятельности сельскохозяйственных опытных станций и занималось научной разработкой всех вопросов этого дела [17, с. 81–83].

Вот как современники и сотрудники Института описали постановку и решение вопросов, стоявших перед Медицинской секцией: «Трэба было

выявіць лік дактароў, ведаючых беларускую мову, згуртаваць іх каля Інбелкульту, утварыўшы ў ім пэўны навуковы асяродак; уцягнуць доктарскі персанал у дасьледчую і грамадскую працу па адраджэньні беларускай культуры; трэба было ўтварыць сувязь паміж Інбелкультам і Мэдычным факультэтам Дзяржаўнага Унівэрсытэту, Клінікамі і інш. мэдычна-навуковымі ўстановамі Беларусі і заахваціць іх да працы над спецыяльна-беларускімі мэдычнымі праблемамі; трэба было ўмацаваць сувязь паміж Інбелкультам і Нар. Кам. Аховы Здароўя, таксама, як і з Вышэйшай Навуковай Мэдычнай Радай, якая пры гэтым Камісарыяце існуе; узмоцніць сувязь і ідэйны ўплыў у сэнсе пашырэньня краязнаўчага ўхілу працы ў Саюзе Мэдсанпрацы і г.д. А галоўнае, – трэба было паставіць на належную вышыню самы навукова-мэдычны досьлед у Беларусі. Праз кароткі параўнаўча час Мэдычная Сэкцыя дасягнула значных рэзультатаў...» [17, с. 71–72].

Эта секция вообще строила грандиозные планы. Она инициировала, в частности, создание при ней Клинической комиссии, которая бы объединяла работы всех клиник БГУ; концентрировала научные силы; привлекала к сотрудничеству работников медицины городов – центров округов и крупнейших сельских больниц; фактически руководила всей исследовательской работой в области медицины; рассматривала планы преподавания на медицинском факультете БГУ. Со временем Клиническая комиссия должна была перерасти в научную ассо-

Рис. 3. Здание Центрального исполнительного комитета БССР. Минск, старый адрес – пл. Свободы, 1-й Дом Советов; современный адрес – пл. Свободы, д. 5. В этом здании 31 января и 8 февраля 1925 г. прошли первое и второе заседания Общего собрания Инбелкульта. Фото 1932 г.

Рис. 4. Городище Банцеровщина. И.А. Сербов (стоит за березой), М.В. Довнар-Запольский (в фуражке и пальто), Н.Н. Щекотихин (в белой кепке), С.А. Дубинский (сидит на краю раскопа в белой фуражке), Д.И. Довгялло (за С.А. Дубинским). Городище было открыто в 1925 г. членами краеведческого кружка БГУ С.С. Шутовым и Н.Н. Улащиком. Фото 1926 г. (Музей истории Национальной академии наук Беларуси. Ящик 1. №3595)

циацию врачей Беларуси [13, л. 23 об., 35–36 об., 60; 11, л. 113] (сохранился проект временного положения об этой комиссии: 13, л. 37–37 об.).

Медики вынашивали также планы создания при Инбелкульте Белорусской государственной медицинской библиотеки, Научного музея прикладной и теоретической медицины [13, л. 21 об.], организации Первого всебелорусского научного съезда врачей Беларуси [13, л. 24; 11, л. 113 об.].

Приведем сведения, касающиеся деятельности некоторых структурных подразделений Института. Подсекции «идейно руководили работой»: Театральная – Белорусского государственного театра и белорусской драматической студии в Москве, Изобразительных искусств – Художественного техникума в Витебске [8, с. 59–60; 17, с. 51–53]. Фактически силами последней подсекции была организована масштабная Первая всебелорусская художественная выставка (Минск, декабрь 1925 – январь 1926 г.), которую посетило 12 тыс. человек [17, с. 56].

По оценке современных исследователей, Инбелкульт в первой половине 1920-х гг. «стал важным инструментом в процессе конструирования системы профессиональной белорусской художественной культуры. При этом на начальной стадии ему пришлось совмещать функции сразу нескольких социокультурных институтов: художественного производства, распространения художественного продукта, изучения и сохранения художественных ценностей,

формирования культурной политики и т.д.» [7, с. 14]. Секции и комиссии Института «принимали непосредственное участие в управлении и организации художественной жизни БССР и, по существу, являлись частью системы художественной культуры» [7, с. 14].

Факты создания в 1925 г. при Инбелкульте собственной библиотеки (о Библиотеке Инбелкульта в первый год ее деятельности см.: [2]), организации собственной редакционной коллегии [11, л. 239–240], а с января 1926 г. – издательства выступают куда более значимыми, если их перенести в контекст задач Института. Эти задачи были столь широки, что Инбелкульт пытался преодолеть зависимость от других учреждений; поэтому он и создавал подобные институты в собственных структурах.

Пытаясь преодолеть данную зависимость, Институт одновременно стремился и к расширению. В 1925 г. в его состав вошел Ботанический сад в Великих (Больших) Летцах (недалеко от Витебска) [17, с. 23, 68]. Существовала идея перевода «падзагад» Инбелкульта и Белорусского государственного музея [11, с. 45]. При этом подчеркивалась нетривиальность роли структур учреждения. Вот что сказано в записке об издательстве Института, датированной маем 1926 г.: «Выдавецтва Інбелкульта мае свае асаблівае значэнне і праз гэта асаблівыя задачы. Яно павінна 1) выявіць навуковыя дасягненні Інбелкульта, як установы, створанай пролетарскай дзяржавай у выніку правядзення нацыянальнай палітыкі кампарты, 2) апублікаваць і праз гэта зрабіць даступнымі для карыстання навуковыя працы аб Беларусі, патрэбныя для развіцця яе гаспадаркі і культуры, 3) практычна дапамагчы ўтварэнню і пашырэнню беларускае навуковае мовы і навукавай літаратуры і 4) зрабіць магчымай беларусізацыю вышэйшых і спецыяльных навуковых і навучальных устаноў» [15, л. 183].

Как мы можем убедиться, Институт формулировал в отношении к данным институтам высокие требования не только научно-технического, но и политического характера. Вот еще одно красноречивое в связи с этим высказывание: «...выдавецтва Інбелкульта павінна перад усім змагацца за якасць сваёй продукцыі як з навуковага, так і з тэхнічнага боку, – памятуючы палітычнае значэнне дакладнасці і беззаганнасці навуковых выданняў Інбелкульта» [15, л. 187].

И без того обширные притязания Института приумножал еще один вектор его работы, связанный с культурно-общественной сферой. Эта работа проявилась в первую очередь в организации и коор-

динации краеведческого движения, которое возглавило ЦБК Института [2, с. 64–65]. Если оценить массив информации, который отложился в результате активности Бюро, то нельзя не признать, что на него была возложена сверхзадача формирования новой системы ценностей, новых моделей мышления и поведения, новых способов самоопределения граждан, которые бы изменили их мировоззрение, культурные ориентиры, сформировали чувство исторической и культурной общности, мотивировали к активной и созидательной деятельности.

В ноябре 1924 г. ЦБК провело Первую всебелорусскую краеведческую конференцию. Больших успехов оно достигло в 1925 г., содействуя появлению 59 краеведческих организаций (всего их было: на начало 1924 г. – 18; в феврале 1926 г. – 80) [6, с. 16]. В октябре 1925 г. вышел первый выпуск печатного органа Бюро – журнала «Наш Край», ставшего не только трибуной, но и средством коммуникации Инбелкульта с краеведами. 7–11 февраля 1926 г. в Минске состоялся Первый всебелорусский краеведческий съезд, в котором приняло участие 143 (по другим источникам – 146) человека (зарегистрировано было 121), представлявших 87 организаций краеведов. К этому времени число участников краеведческого движения достигало 5 тыс. человек [6, с. 3].

Диапазон и спектр задач Института были настолько всеобъемлющими, что их реализация должна была привести к созданию центра, формирующего новую культуру и реструктурирующего сферу знаний в стране. При этом данный центр не являлся тождественным академии наук. В отчете Института, составленном в августе 1925 г., сказано: «...зараз Інбелкульт складае сабой вышэйшую навукова-даследчую ўстанову, аднак не вузкаакадэмічную, а і інстытуцыю з больш шырокім культурна-грамадзянскім ухілам» [3, с. 109]. А это представление о характере и будущности Института одного из его руководителей – А.А. Смолича, озвученное в феврале 1926 г.: «Інбелкульт ня ёсць акадэмія навук, але ў будучыне ён мае развінуцца ў нешта іншае, чымся акадэмія навук. У васнову акадэміі навук кладзецца вывучэнне тэарэтычных ведаў. Інбелкульт прыстасоўвае сваю чыннасць да ўмоў жыцця» [6, с. 12]. ■

Продолжение следует